

Содержание

Вступление	5
Глава 1 Почему современные родители должны во всем разбираться?	11
Глава 2 Краткая история родительской любви, или «А что, так можно было?»	23
Глава 3 Счастье поневоле. Почему мы должны быть в восторге от материнства	53
Глава 4 Младенчество и раннее детство: почему все так сложно?	73
Глава 5 Работа и дети: совместить несовместимое.....	87
Глава 6 Учебная гонка: победитель получает карьеру.....	101
Глава 7 Как быть хорошим родителем в современном городе.....	113
Глава 8 Чего боятся современные родители	127
Заключение.....	149
Логика жизни с детьми от Анны Кулешовой	159
Об авторах	163

Вступление

Дорогие читатели, эта книга — о том, в чем не принято признаваться родственникам, друзьям и даже самим себе. Она о том, что осуждает или игнорирует общество: о родительской вине, усталости, тревожности, страхах, одиночестве и депрессии. У этих проблем есть не только психологические, но и социальные причины. Для нас важно рассказать, откуда и почему возникают эти чувства, как их нам навязывают окружающие, почему они естественны и даже в некотором смысле неизбежны для современных родителей.

Вам случалось разрываться между работой и ребенком? Приходилось грустить, оставаясь дома с грудным или заболевшим малышом в то время, как друзья и близкие занимались чем-то интересным на любимой работе или развлекались? Вы страдали от недосыпа, вставая несколько раз за ночь к младенцу? Тревожились на ровном месте: как бы чего с ним не случилось? Впадали в бешенство от детских выходок, а потом мучились раскаянием? Давайте добавим сюда нервное истощение, облезший лак на ногтях, просроченную карту фитнес-клуба, недосягаемый бокал вина и ощущение того, что все карьерные перспективы, еще недавно маячившие на горизонте, потеряны.

В этой ситуации кажется, что свобода, да и жизнь, закончилась, а вы превратились в подобие своей соседки, задерганной мамы троих детей. Быть может, вы в принципе не способны правильно организовать заботу о ребенке? Почему вы не нала-

дили питание малыша исключительно полезными продуктами, не научили его читать в три года? Ведь у кого-то все получается. Существуют женщины, абсолютно довольные материнством. Они постят в соцсетях фотографии нарядных и счастливых детей, дают советы, как после родов сохранить тело в идеальной форме, а дом — в полном порядке. При этом они успешно строят карьеру и развивают собственный бизнес! Да и ваша мама как-то справлялась со всеми делами, притом что растила вас без памперсов.

Впрочем, возможно, вы и есть та самая хорошая и счастливая мать, не испытывающая терзаний и сомнений, не знающая усталости и полностью довольная своей жизнью. Или же вы не рожали и не растили детей. Или рожали и растили — но очень давно, ваши дети уже взрослые, и вот вы смотрите на других мам, совершенно не понимая, почему они жалуются. У современных женщин есть стиральная машина, одноразовые подгузники, мультиварка и микроволновка, радионяня, GPS-трекер, автоматизированные колыбели. Они могут заказать доставку продуктов на дом и взять отпуск по уходу за ребенком до трех лет (что было невозможно сделать вплоть до 1980-х годов), у них есть всезнающий и все объясняющий интернет. Казалось бы — рожай и наслаждайся материнством! Но нет, что-то сделало современных родителей тревожными и уставшими.

Мы не дадим вам универсальных рецептов счастья, наша задача — показать, насколько разным может быть отношение к родительству и детству, как неодинаково представление о нормальности, насколько подвижными бывают границы нормы. Эта книга расскажет, как «устроены» общественные условия, в которых вдруг оказалось так много несчастных людей. Обещаем, что, прочитав ее, вы перестанете испытывать чувство вины в связи с тем, что не удалось стать идеальной матерью, и сможете лучше понимать поведение женщин, чье материнство кажется вам ленивым и нескладным. Мы уверены, что без сравнения нет понимания, поэтому приведем факт, который многим

покажется неожиданным. Дело в том, что большинство правил воспитания детей, которым мы следуем сегодня, нельзя назвать незыблемыми. Ведь предшествующие им правила возникали в конкретные исторические периоды, а потом уходили в небытие. Они настолько изменчивы и условны, что вряд ли заслуживают серьезного отношения. Возможно, и нынешние правила не так уж верны. К тому же принципы воспитания детей переживают циклическое развитие. И то, как современным мамам кажется правильным растить детей, чаще совпадает со взглядами их бабушек, а не матерей.

Важно помнить, что нормы воспитания могут оказаться рычагами управления и давления. Согласитесь, хорошо бы понимать, в какую именно игру с нами (и нами) играют. Почему, например, в нашем обществе выбор между свободой и безопасностью делается в пользу последней? Много зависит от того, как и что мы думаем о детстве (считаем ли его временем подготовки ко взрослой жизни или, напротив, этапом жизненного цикла, имеющим самостоятельную ценность) и детях (ребенок — это «чистый лист» или в нем многое заложено от природы), о характере детско-родительских отношений (должен ли родитель строго следить за поведением ребенка, участвовать в его образовании или достаточно просто его любить, предоставляя свободу выбора). Верим ли, что медицина и психология — ключи к решению всех детских проблем? Считаем ли, что родительство должно быть естественным (и что такое для нас естественность) или что оно не может быть настоящим и правильным без компетентных профессионалов (врачей, педагогов, психологов...)? Из чего состоит хорошая забота (достаточно ли обеспечивать только физическое благополучие ребенка или нужно учитывать и его психологические потребности)? Где проходят границы ответственности родителей и какими должны быть их компетенции, чтобы вырастить детей (в быту этот вопрос звучит, например, так: «Кто виноват в том, что ребенок плохо учится в школе? Может быть, родители не делают с ним домашнюю работу?»)?

В начале XX века американский антрополог Маргарет Мид отправилась в Океанию изучать культуру и быт местных аборигенов. То, что она узнала в экспедиции, коренным образом изменило ее представления о природе семейных и гендерных отношений. Но важнее для нас то, что Мид поняла про детство, взросление и родительство: они могут быть устроены совершенно непохоже на европейские «незыблемые» представления. В частности, полученный в антропологической экспедиции опыт заставил Мид другими глазами посмотреть и на современное ей «цивилизованное» материнство. Она обнаружила, что матерям на Самоа не приписывают особой или исключительной роли. К воспитанию детей привлекается вся деревня, а бабушки, тети, старшие сестры и братья имеют в жизни ребенка не меньшее значение, чем родная мама. Ученая была очарована тем, насколько счастливым оказалось детство на Самоа, насколько легким и непроблематичным был опыт самоанских матерей. Здесь можно привести примеры и из других культур и исторических периодов, где родители иначе понимали отношения с детьми, испытывали меньше стрессов, выполняя свои обязанности, и где дети были органичной частью жизни общества. Эти примеры не стоит сильно идеализировать, но важно помнить, что родительство и детство могут быть очень разными. И на страницах нашей книги мы покажем, насколько широкими могут быть представления о заботе о детях.

Эту книгу написала команда социологов и антропологов, которые долгое время изучали родительство. Более 10 лет мы собирали интервью с матерями и отцами, а также с мужчинами и женщинами, не имевшими детей. Мы разговаривали с самыми разными родителями: например, с теми, кто зачал ребенка с помощью ЭКО; со сторонниками естественного родительства; с теми, кто взял в семью приемного ребенка; с многодетными и воспитывавшими детей в одиночку; с мамами, делающими карьеру, и теми, кто полностью посвятил себя воспитанию детей. О своем опыте нам рассказывали люди разных

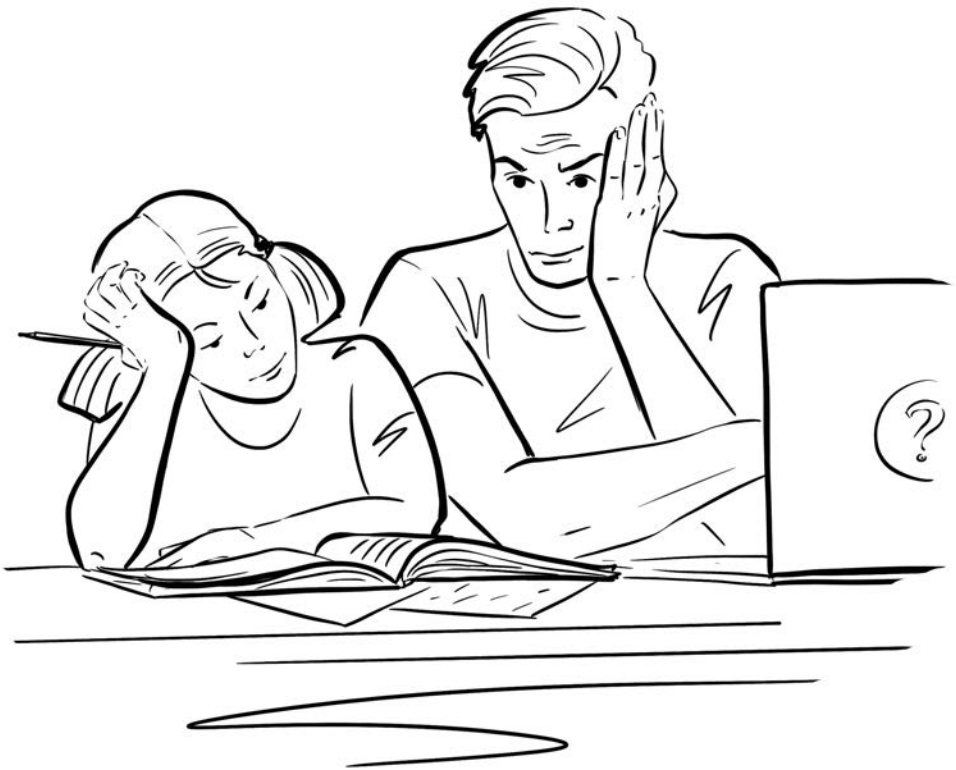
возрастов: ставшие родителями в советское время, сразу после войны, во времена «застоя» в 1970–1980-х годах, в 90-е и в наши дни, в первые два десятилетия XXI века. В нескольких сотнях собранных нами интервью мы задавали, например, казавшийся необычным вопрос: а как вы вообще решили стать родителями? Мы спрашивали, как была организована медицинская помощь во время беременности, как проходили роды, как родители заботились о малышах после рождения, как водили их в ясли, детские сады и поликлиники, как дети учились в школе, куда они поступили после нее. Мы узнали об опыте очень разных людей. Мы сравнивали то, что узнавали, с теориями и исследованиями родительства, проведенными социологами и антропологами из других стран. За время работы мы опубликовали немало научных трудов о родителстве в России, но все они доступны, как правило, только узкому кругу специалистов. Мы посчитали такое положение дел несправедливым и постарались в популярной форме рассказать об этих исследованиях, об их результатах и не только.

**Анна Авдеева, Ольга Исупова, Анна Кулешова,
Жанна Чернова, Лариса Шпаковская**

Глава 1

.....

Почему современные
родители должны
во всем разбираться?

Давайте попытаемся понять, что такое современное родительство. Кажется, вопрос банальный, но нельзя не признать тот факт, что современные родители отличаются от тех, кто жил не только сто, но и двадцать лет назад.

Социологи, экономисты и психологи часто говорят, что исключительной особенностью появившегося в начале XXI века социального типажа российских мам и пап является внимательное и вдумчивое (рефлексивное) отношение к своей роли. Поэтому такое родительство часто называют сознательным, осозанным, ответственным, неимперативным. Что стоит за этими определениями?

Во-первых, сегодня многие люди принимают **осознанное решение стать родителями**. Если раньше дети чаще всего появлялись на свет случайно, то в наши дни рождение ребенка в большинстве случаев становится итогом обдуманного решения. К необходимым условиям запланированного родительства часто относят наличие жилплощади, стабильного дохода и возможностей для заботы о ребенке (доступность поликлиник, детских садов, школы и прочей необходимой инфраструктуры).

Довольно часто пары заранее обсуждают и планируют многие аспекты будущего родительства. Помимо прочего в расчет принимается возраст супругов и их карьерные перспективы. Многие молодые люди, например, считают, что сначала нужно получить образование, а потом обеспечить карьерный задел, чтобы в даль-

нейшем иметь стабильный доход. Но многие не желают откладывать родительство на слишком поздний срок: они понимают, что возраст может стать причиной осложнений беременности и патологий у ребенка. Женщины и мужчины заранее готовятся к своей новой роли, проходят медицинские обследования, ведут здоровый образ жизни, читают книги по детской психологии, медицине и педагогике, посещают подготовительные курсы и пр.

Предметом обсуждения и планирования становится и количество детей. Современные родители не прочь стать многодетными, но понимают, что достойную жизнь смогут обеспечить только одному или двум детям. Иначе говоря, быть «новым» родителем — значит быть ответственным и осознанным: принять решение о рождении ребенка, подготовиться к нему, а потом не спускать с ребенка глаз до его совершеннолетия. Знакомая картина? Конечно, у всех складывается очень по-разному, но описанная ситуация стала считаться нормой, к которой все родители так или иначе должны стремиться.

Во-вторых, **родительство больше не считается результатом исключительно биологических функций организма**. Стать полноценным родителем теперь можно не только зачав и родив, но и усыновив или приняв на воспитание ребенка. Еще совсем недавно можно было на законных основаниях воспользоваться услугами суррогатной матери, доверив ей вынашивание и рождение младенца. А потом «делегировать» материнство еще раз, передав ребенка на воспитание близким родственникам или няне. Родителем становится человек, который принимает решения, касающиеся ребенка, выбирает окружение для него, отвечает за все периоды детства. Количество разводов (а их сегодня около 50% от числа зарегистрированных браков) и повторных браков в современной России таково, что некоторые дети приобретают вторых пап и мам (чаще, конечно, пап) в новых семьях, сохраняя связи с биологическими родителями.

Тот факт, что родительство может и не быть результатом биологической природы человека, означает, что оно стало

пониматься через заботу, ответственность, взаимную симпатию и привязанность, которые возникают между родителями и детьми. Во многом именно этим в наши дни вызвано стремление современных пап и мам наладить хорошие отношения с детьми и рост популярности теории привязанности. Сегодня, чтобы стать родителем, недостаточно родить ребенка (тем более что его можно вообще не рожать) — совершенно необходимо наладить с ним детско-родительские отношения.

В-третьих, неожиданно выяснилось, что **у детей есть не только матери, но и отцы**. Понятно, что биологические папы были всегда. Но отцы, которые участвуют в принятии решения о рождении ребенка, готовятся вместе с матерью к его появлению, присутствуют на родах, а потом заботятся о том, чтобы ребенок был обеспечен всем необходимым (и мы имеем в виду не только материальную сторону), — это относительно новое явление. Современный отец не только (или не столько) донор спермы, источник денег и тот, кто отведет подростка на рыбалку или поможет решить задачу по физике. Современный отец претендует на полноценное участие в детско-родительских отношениях, он видит в этом источник саморазвития и способ самовыражения. В современной России немногие мужчины пока могут полноценно реализовать новую модель: экономическая обстановка и условия предоставления отпусков по уходу за ребенком этому не благоприятствуют (более того, пора говорить об «экономической стерилизации» — мужчины и женщины боятся заводить детей, чтобы не обрекать их на нищету). Тем не менее запрос на новое отцовство, безусловно, есть, и современные папы находят возможности для его реализации.

В-четвертых, современное родительство практически **полностью основано на выборе**. Люди выбирают не только комфортное время и обстоятельства, чтобы вступить в новую для себя роль. Они делают выбор в отношении практически любой стороны жизни ребенка: начиная с того, как готовиться к родам (стоит ли вести беременность в частной клинике или только в районной

женской консультации, нужно ли посещать курсы подготовки к родам, соблюдать ли специальную диету, развивать ли ребенка внутриутробно и т. п.), заканчивая вопросами о том, в какую школу его отдать. На первый взгляд, кажется, что все это диктуется родителями извне. Советы по ведению беременности и уходу за новорожденным дают врачи, а в школу детей определяют согласно регистрации по месту жительства. Но если мы посмотрим на современную городскую маму, то обнаружим, что абсолютно обо всем она имеет свое мнение. Она знает, как и чем лечить ребенка, умеет читать результаты анализов. Она в курсе того, какие есть аналоги у известных медицинских препаратов и какие от них могут быть побочные эффекты. Такая мама сможет найти нужных специалистов и выберет докторов, подходящих ей и ее ребенку. Школа стала областью продвинутых компетенций родителей. Городские папы и мамы выбирают место жительства поближе к той школе, которую они сочли хорошей. Если возможности переехать нет, они придумывают, как получить временную прописку рядом со школой, или возят детей на другой конец города, лишь бы те попали в «правильное» учебное заведение.

И тут возникают вопросы. Всем ли комфортно так часто делать выбор? Не устают ли люди от этого? Хватает ли им знаний для принятия адекватного решения? Кто определяет альтернативы выбора: неужели сами родители? Нет, мы выбираем только из существующих возможностей, во многом руководствуясь представлениями о правильном и нормальном, которые заложены в нас обществом. Часто нам вообще не хочется ничего выбирать. Но ответственность за результат принятых решений полностью лежит на нас — так, как если бы мы и правда выбрали, только когда хотим этого.

Мы привыкли трактовать родительскую тревожность и стресс как результат исключительно личных проблем (например, супруги не смогли наладить отношения после рождения ребенка или маме не удалось найти хорошую работу). Однако если мы посмотрим шире, то увидим, сколько ответственности за воспи-

тание, материальное и психологическое благополучие нового члена общества — ребенка — это самое общество перекладывает на всего лишь двоих людей: маму и папу. А часто — и вовсе на одну только маму.

Сложно в одиночку нести полную ответственность за благополучие другого живого существа, особенно если таких существ несколько. Вдруг вы заболете, попадете в больницу, что тогда? А если лишитесь работы и не сможете выплатить кредит? От таких мыслей тревожно и страшно. На эту тему появилось много мемов в интернете, один из них: «В современном обществе быть одновременно реалистом, оптимистом и трезвым невозможно». Выбор и планирование — это прекрасно, но как понять, верным путем вы пошли или следовало все сделать иначе? Кроме того, обычно выбор требует денег. А если их нет? Можно, конечно, устроиться на вторую работу, но тогда времени на ребенка совсем не останется. Какой уж тут эмоциональный контакт, привязанность и хорошие отношения?

Родительский выбор был бы невозможен без **сообществ родителей**. Полезные знания мамы и папы получают благодаря сообществам в соцсетях, мессенджерах, на многочисленных родительских форумах, насчитывающих десятки тысяч пользователей. По популярности с ними не могут сравниться даже форумы любителей домашних животных, автомобилистов и геймеров. Дебаты на таких форумах носят самый живой характер, а обсуждаемые темы охватывают абсолютно все аспекты жизни. Родители делятся опытом, оказывают друг другу эмоциональную поддержку и даже закупают в складчину товары. Вместе они фактически создают альтернативные системы знания о родительстве и детстве, формируют собственные рейтинги популярности врачей, психологов, школ, кружков, секций, а также систем воспитания, лечения и т. д. Можно с уверенностью сказать, что современное родительство начинается не с зачатия, а с момента, когда люди, планирующие беременность, решают зарегистрироваться на родительском форуме.

И еще один важный момент. Изменились представления **о смысле детства и о потребностях ребенка**. Этому способствовали и достижения в области психологии, и увлечение самых широких слоев населения популярной психологией, и развитие индустрии детства. Вместе они сформировали новые потребности и навязали родителям новый спектр проблем, которые раньше и проблемами-то не считались.

Современное детское счастье основано на признании личности ребенка и важности его переживаний. Новые родители стремятся развить внутренний потенциал своих детей, учитывают их склонности и пожелания, боятся травмировать их внутреннее «я». Ведь счастье ребенка рассматривается как залог его успешного взрослого будущего. Каждый современный родитель прочитал как минимум пару книг по детской психологии, детско-родительским отношениям или хотя бы посмотрел ролики на YouTube по этой теме.

Можно сказать, что новому родительству досталось **новое детство**. Представление о детстве как об особом ценном периоде распространилось весьма поздно: в Англии, в Викторианскую эпоху. Тогда же и там же появились и первые законы об обязательном хотя бы начальном образовании для всех людей. Именно всеобщее образование несколько отодвинуло границы взросления. Долгий период обучения привел к тому, что уже в XX веке особое внимание стали уделять подросткам, хотя этот промежуточный возраст ранее не имел такого большого значения. В наши дни его границы все больше раздвигаются — во многих странах, например в Германии, родители несут обязанности по обеспечению детей до 25 лет. В России человека на один день моложе 18 лет нельзя отпустить домой одного, например со школьной олимпиады, без разрешения родителей. Но на следующий день, когда ему исполнится 18, он уже будет подлежать призыву в армию. Тут спорно не только то, в каком возрасте человек перестает считаться ребенком (хотя нашим предкам представление о 18-летнем как о ребенке пока-

залось бы довольно смешным), но и то, что переход от детства к взрослости происходит настолько внезапно.

Постепенно изменилось представление о детстве и месте детей в семье, появился феномен **детоцентризма**. Если в середине XIX века более-менее равнодушное, безразличное отношение к детям было скорее нормой, то ко второй половине XX века они стали центром семейной вселенной. И если раньше матери принимали относительно отстраненное участие в жизни подрастающего поколения, то теперь они превратились в «новых матерей», обязанных «профессионально» заниматься своими детьми.

Детоцентризм появился благодаря развившемуся **обществу потребления** и изобретению новых потребностей. Современного ребенка оказалось недостаточно кормить, следить за его здоровьем и обеспечивать его образованием. Родители обязаны делать его счастливым. Впрочем, взрослые, с точки зрения современных психологов, тоже должны быть счастливы: благополучные и успешные люди должны жить гармоничной жизнью. Возможно ли все это совместить? Советское детство тоже формально должно было быть счастливым, но тогда речь шла об удовлетворении базовых потребностей (сыт, обут, одет). И задача эта лежала на плечах не только родителей, но и государства. Эмоциональное счастье обеспечивалось участием в пионерских мероприятиях и «благополучием» социалистической действительности.

Потребление неожиданно стало одним из главных способов выражения чувств для «новых» родителей: если я люблю ребенка, то дарю ему вещи. Еще 30 лет назад нереально было представить, что столько денег можно тратить на детскую одежду и игрушки. Бизнес эффективно эксплуатирует детоцентризм, он навязывает избыточное потребление родителям, озабоченным благополучием детей. Людей заставляют рассуждать приблизительно так: у меня этого не было, а у моего ребенка пусть будет, я очень постараюсь и все для него куплю. Многим родителям не нравится, что детство попало в жернова бизнеса, что их посто-

янно провоцируют совершать ненужные покупки, — но ничего не могут с собой поделаться.

При этом современные папы и мамы всегда могут задать себе вопрос: зачем? Что и кому я хочу доказать этими покупками? Если найти ответ, то можно снизить собственную моральную и финансовую нагрузку. Ведь отношения с детьми можно выстроить не только через потребление.

Колоссальная индустрия потребления распространилась и на обучение, особенно раннее. Изобретаются все новые обучающие книжки, игрушки и спортивные снаряды, создаются секции и кружки. Все это требует от родителей времени и денег. Каждая рыночная новинка обещает сэкономить время и силы. Памперсы освободили родителей от бесконечной стирки пеленок, а детское питание в баночках — от необходимости готовить.

Общество требует, чтобы родители уделяли внимание не только детям, но и самим себе. Редкая мать рискнет привести на детскую площадку или в поликлинику ребенка, одетого в старую бедную одежду. Вряд ли она появится на людях в растрепанном виде, пусть даже после тяжелой ночи с неспящим младенцем. Все это делает жизнь современных родителей очень сложной, и их очень обижают замечания со стороны о том, что «раньше в поле рожали, пеленки стирали и не жаловались». Только им, изнутри, понятно, в какой трудной ситуации они находятся, несмотря на приспособления, облегчающие их жизнь.

И еще одна особенность современного родительства. Говоря о любви к детям, папы и мамы вынуждены подразумевать под ней и безопасность — таков результат давления общества и законодательства многих стран. Но там, где есть безопасность, обычно не бывает свободы. Одновременно **обеспечить и свободу, и безопасность** практически невозможно. Однако растить ребенка в условиях тотального контроля большинству из нас кажется неприемлемым. Что же делать? Имеем ли мы сегодня право любить наших детей и одновременно давать им

свободу? Такая ситуация породила новые родительские страхи, о которых поговорим чуть позже.

Новое родительство имеет много преимуществ. Оно становится сферой творчества и самовыражения. Ему присущ гедонизм — ведь родители стремятся получать от своей роли радость и удовольствие. Новое родительство — важный элемент идентичности, представлений о себе и своей роли в жизни. Однако в процессе реализации такого родительства нередко возникают сложности, которые могут обернуться тревожностью, стрессом и даже депрессией. Ведь пространство выбора слишком велико: от мелочей до самых глобальных вопросов. Список обязанностей бесконечен, ответственность тяжела, а ребенку следует дать так много!

Глава 2

Краткая история родительской любви, или «А что, так можно было?»

Родительская любовь в последнее время стала предметом частых обсуждений на многочисленных форумах в интернете, на страницах журналов, в телешоу и радиозэфире. Ломаются копыя вокруг того, что можно назвать настоящей родительской любовью, какой любви не хватает чадам, можно ли их испортить любовью, как выглядит нелюбовь и существует ли безусловная любовь к детям. Это удивительная и одновременно обыденная ситуация, ведь в современном мире существует миллион возможных жизненных сценариев, а у каждого привычного явления есть сотни образов, и, о чем бы ни шел разговор, он не будет подразумевать единственно верный вариант. Особенно если мы говорим о родительстве, детях и любви.

Здесь уместно вспомнить слова Жан-Поля Сартра: «Мы обречены быть свободными». Сегодня мы вынуждены самостоятельно создавать себя, даже если не хотим этого, самостоятельно формировать наши социальные роли, эмоции и чувства. Отцы могут предпочесть уход за детьми карьерному росту, матери — совместить воспитание детей и профессиональное развитие или вовсе делегировать материнство третьим лицам. Любовь может выражаться через покупки и контроль, оставляя за бортом привычное общение. Да и само детство может быть очень разным. Такое положение вещей порождает множество важных вопросов, первый из которых: **«Обладает ли человек инстинктивной родительской любовью?»**

С точки зрения эволюции выживает тот биологический вид, который обеспечил себя потомством и должным образом вырастил его. Человек — не исключение. Но сегодня среди женщин — особенно в развитых странах — мы наблюдаем неоднозначное отношение к идее рождения детей и к тому, чтобы посвящать им жизнь. Это происходит не от жестокосердия и не от того, что у современных женщин не развиты инстинкты. Такому отношению к родительской роли способствуют современные методы контрацепции, которые позволяют надолго отложить «счастье материнства» и реализовать другие жизненные сценарии.

Однако достаточно часто слышны аргументы о противоречивости нежелания становиться матерью, а уж признания женщин в том, что они не смогли полюбить своих детей, выглядят и вовсе маргинально. Так существует ли вообще материнский инстинкт?

Российский орнитолог и блогер Вольф Кицес отмечает: «У людей ищут инстинкты примерно затем, зачем раньше искали бессмертную душу: чтобы, апеллируя к ним, заставить нас сидеть смиренно, работать на тех, у кого есть деньги, и слушать измышления их представителей о том, что “так природа захотела, а почему — не наше дело...”». Выдвигаются самые разные гипотезы о биологически обусловленной любви матерей к своим детям. Одни полагают, что такая любовь существует изначально, а «запускается» она во время деторождения и выхаживания новорожденного, другие опровергают эту идею. Сами современные матери иногда уверенно отделяют любовь к ребенку от нелюбви к заботе о нем и к процессу родов. Приведем цитаты женщин из одной дискуссии в Facebook:

«Можно любить ребенка, но при этом не хотеть вот-этого-всего негатива, связанного с материнством, и жалеть о том, что прошла через это»; «Ребенок, которого я родила, — все же отдельный человек. И в том, что происходит с моими гормонами, телом и т. д. во время

беременности и материнства, он не виноват, хотя и в некотором роде является причиной этого. Человек, которого я родила, не равен мне. Поэтому, если мне не нравится быть матерью и выполнять какие-то функции, это не значит, что мне не нравится ребенок, которого я родила».

Израильская журналистка Орна Донат в своей книге «Сожалея о материнстве»^{*} анализировала истории женщин, связанные с последним табу нашего общества, где проще рассказать о своей нетрадиционной сексуальной ориентации, чем о том, что тебе так и не удалось полюбить собственного ребенка. Большинство опрошенных Орной матерей утверждают, что любят своих детей, но ненавидят материнство. То есть речь идет не о негативных чувствах к детям, а о раскаянии в жизненном выборе стать матерью. Чаще всего у матерей это связано с ощущением того, что дети крадут их жизнь и самостоятельность, уничтожают их личность. Одна тридцативосьмилетняя героиня книги поднимает важную тему, ставшую триггером для дискуссий в Facebook: «Я бы выбрала жизнь без детей. Это ужасно трудно признать, потому что я их люблю. Очень. Но без них моя жизнь радовала бы меня больше». Можно ли любить своих детей, но не любить материнство, разве одно не противоречит другому? Еще одна женщина 44 лет говорит: «Я жалею, что стала матерью, но люблю моих детей. Если бы я их не любила, то не хотела бы, чтобы они существовали. А я хочу, чтоб они жили, просто не хочу быть их мамой».

Как известно, у животных родительский инстинкт существует — это инструмент, который позволяет на долгие годы удержать пару вместе, сплотив ее заботой о потомстве. А детеныши задуманы природой умильными и слабыми, чтобы поддерживать в родителях желание заботиться о них.

^{*} Donath O. *Regretting Motherhood. A Study*. North Atlantic Books, 2017.

Видеоблогер и популяризатор биологической науки Евгения Тимонова утверждает, что у людей работают схожие механизмы. Это утверждение звучит здраво, но многие исследователи опровергают его, считая, что аналогии с животными в отношении людей неуместны. Ведь человек — существо одухотворенное, и нашу жизнь определяют множество сложных институтов — таких, как культура и социальное устройство.

Инстинкт — это механизм, который в сходных условиях заставляет живых существ вести себя совершенно одинаково. При этом материнское поведение у представительниц одного и того же вида высших отрядов млекопитающих может существенно отличаться. Даже у одних и тех же особей отношение к разным их детям неодинаково. Между самками существуют стойкие индивидуальные различия, у каждой — свои особенности материнского поведения, обоснованные биохимическими и психофизиологическими основаниями. Часть из них основана на биологии, часть — на научении.

Ученые-антропологи и социобиологи (прежде всего американка Сара Блаффер Хрды (Sarah Blaffer Hrdy) на материале человеческих популяций исследовали материнство как компромисс между потребностями женщины и нуждами ее ребенка. Также они изучали поведение животных, в том числе высших приматов, — ведь, с точки зрения социобиологов, между ними и человеком много общего. Выяснилась масса интересных фактов. Например, то, что животные не бросают своих детей, — миф. Еще как бросают! Звери избавляются от детенышей при неблагоприятных условиях, к которым относятся не только голод, избыточная численность популяции или враждебное окружение, но и, например, пороки развития у потомства. И чем моложе мать, тем скорее она решит спасти жизнь не детеныша, а свою собственную. Такие закономерности, пусть в опосредованном виде, проявляются и у людей.

Разумеется, в жизни людей все еще сложнее, индивидуальные различия выражены еще сильнее. Они связаны и с конкрет-

ными био- и психологическими свойствами, и с социальными условиями, в которых женщины растят новое поколение. Материнство — сложный поведенческий конструкт*, в который включены и биологические драйвы, и усвоенные в течение жизни социальные нормы поведения. А поскольку количество и качество накопленного опыта у каждой женщины свое, то в результате у одних материнские чувства «включаются» сразу после рождения и материнство дается легко, а у других все происходит позже, а кому-то материнство в тягость и любовь к ребенку так и не приходит. Вряд ли здесь можно рассуждать в категориях нормы и выхода за ее границу: у каждой матери свои ресурсы и пределы возможного, разные мотивации и социальные навыки. Эти навыки, ресурсы и мотивации надо рассматривать в контексте не только материнского поведения, но и всех аспектов жизни женщины, которые тоже только отчасти социально обусловлены.

Тяжело мамам, которые решили строить карьеру и не уходить в отпуск по уходу за ребенком, но после рождения малыша почувствовали, что у них проснулись сильные материнские чувства. У них колоссальная нагрузка, напряжение из-за противоречивости их стремлений — оно огромно и способно привести к депрессивным состояниям. Нелегко и женщинам, которые планировали уйти в отпуск по уходу за малышом, но любовь к родившемуся ребенку у них так и не проснулась. Впрочем, в этом случае отсутствие чувств для женщины может компенсироваться ее социально одобряемым поведением

* В 1966 г. в работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» были представлены основные тезисы социального конструирования, демонстрирующие, как общепринятая в той или иной культуре «консенсусная реальность» формируется в результате социальных взаимодействий. Реальность конструируется не только индивидом, но и обществом: любые наши обыденные конструкции, будь то представление о правильном материнстве или нормальной сексуальности, являются продуктом коммуникации и совместной деятельности людей.

в отношении ребенка. Со временем из будней, наполненных бесконечными заботами, могут вырасти любовь и привязанность к малышу.

Сакральная материнская любовь. Многих женщин поддерживает то отношение к родительской любви, которое они видят в мировых религиях. Ведь наши эмоции, чувства, представления о нормальном и ненормальном — это во многом конструкция, относящаяся не столько к реальным событиям, сколько к той их интерпретации, к которой мы были приучены обществом с детства. Мировые религии говорят так: не страшно, если чувство вовремя не проснулось. Семья — это школа любви, так что мало-помалу всему можно научиться. Очень важна установка на изменчивость любви: ведь любовь к неродившемуся созданию одна, а к подростку — другая. Нужно учиться любить в новых условиях и в новой обстановке, и по сути — каждый раз нового человека в новом возрасте.

Каждый родившийся в паре ребенок обновляет семью, отношения, по-новому раскрывает человеческие качества родителей. Со временем «компетенции» любви вырастают и помогают обрести душевное равновесие, гармонию. Мы учимся любить человека не только в здравье, но и в болезни, в старости и даже на пороге смерти. Потерять способность любить, с точки зрения православной религии, означает заболеть, пасть, потерять рай. Старозаветная заповедь гласит: «Плодитесь и размножайтесь». «Бог и даровал радость супружеского общения, чтобы люди продолжали род. Поэтому естественно, что, когда муж любит жену, он хочет от нее детей», — говорят православные священники. Они считают: если женщина живет с верой в то, что рано или поздно в ней проснется любовь к ребенку, это произойдет. Не чужд такой взгляд на мир и социологам. Он отражен в теореме Айзека Томаса, которая гласит: «Любое явление, воспринимаемое как реальное, всегда реально по своим последствиям».

И все же у некоторых женщин «обещанное» религией отношение к материнской любви (как к неизбежно возникающему чувству) вызывает напряжение, потому что у них все совсем не так. В результате они чувствуют себя изгоями. Надо быть очень смелой, чтобы написать на женском форуме: «Я не люблю своего ребенка» или «Я не хочу иметь детей».

Романтическая любовь, как известно, иррациональна и может возникнуть там, где не надо, а где очень надо — не возникнуть. Раньше женщина не выбирала себе мужа — за нее это делали другие, после чего жизнь развивалась по сценарию «стерпится-слюбится». Когда у женщины возникало чувство не к мужу, а к другому человеку, общество жестоко наказывало ее за **«беззаконную любовь»**. Но общественные устои не могли заставить женщину полюбить нелюбимого. И если говорить о любви и нелюбви к детям с тех же позиций, с каких женщины уже давно говорят о любви и нелюбви к мужчинам, то любовь сама должна решать, к кому и когда приходиться.

«А что, собственно, за проблема с нелюбовью? Как вообще за нее можно обвинять? Разве любовь не по определению “нечаянно нагрывает”? Или не нагрывает. С детьми все то же самое: любовь может просто не случиться. Большое преувеличение — полагать, будто у матери к ребенку она автоматически появляется всегда. Нет, здесь все то же самое, что и с любовью к мужчине/женщине. И да, многие потом просто идут по пути стерпится-слюбится, ведь развод с собственным ребенком не предусмотрен. В то время, как в случае с нелюбимым взрослым многие считают развод самым правильным выходом из положения. И я давно замечаю, что люди многое готовы понять — даже такие чудовищные вещи, как убийство собственного ребенка в состоянии аффекта от усталости. А за простую нелюбовь к нему (даже при

выполнении всех родительских обязанностей) мать считают монстром. Но как создать эту любовь по заказу, не рассказывают. Нет, ты — монстр, тебя излупят плетками, и тогда ты полюбишь свое дитя, как миленькая». **(из дискуссии в Facebook).**

Может показаться, что возможность публичных высказываний женщин об их нелюбви к своим детям поможет снижению их стресса. Но что будет, если такие высказывания получают значительную поддержку и распространятся? Есть множество теорий, объясняющих, как изменяются системы ценностей в обществе. Они помогают понять, как вещи, которые еще вчера были неприемлемыми, постепенно становятся нормой.

Например, согласно теории модернизации, человечество становится более толерантным к вариантам человеческого поведения. Наравне с ней существует теория постматериализма Рональда Инглхарта: с его точки зрения, ценности индивидуализма и самоутверждения в развитых обществах постепенно становятся важнее ценностей коллективизма и материального выживания. Есть концепции индивидуализации жизненного пути, гипотеза «второго демографического перехода», в процессе которого для мужчин и женщин ценности личного развития становятся важнее ценностей создания общностей, например семьи.

В любом случае система ценностей любого общества не является раз и навсегда заданной. То, что было нормой для европейцев в 1950-е годы, они сами же и изменили в ходе левых «революций сознания» 1960-х и 1970-х. В результате идеи, которые казались невероятными, вошли в жизнь. Возьмем, к примеру, гомосексуальность, которую в середине XX века считали постыдным отклонением. Люди скрывали свою гомосексуальность, что подчас доводило их до самоубийства. Гомосексуалов переделявали в «нормальных людей» варварскими методами. Один из самых ярких примеров связан с выдающимся ученым Аланом Тьюрингом. В 1952 году он был обвинен в совершении «грубой

непристойности». Тьюрингу предложили выбрать между гормональной терапией, подавлявшей либидо, и тюремным заключением. Ученый предпочел первое, а в 1954 году умер от отравления цианидом. Через много лет после смерти Тьюринга, в 2013 году, королева Елизавета II произнесла в его адрес извинения. Это могло случиться потому, что во второй половине XX века радикально изменились ценности общества. Ученые начали всесторонне исследовать гомосексуальность и выяснили, что она встречается даже у животных. Возобладало мнение, что это не болезнь, а вариант нормы, который нельзя осуждать (мы же не осуждаем людей за цвет глаз, например). Многие известные люди начали совершать каминг-ауты, публично признаваясь в гомосексуальной ориентации.

Если аналогичные изменения произойдут в системе ценностей материнства, вариантом нормы может стать отсутствие любви к своим детям. Раньше, лет пятьдесят назад, люди боялись сказать вслух, что не любят детей. Произнеся подобное, они бы получили от окружающих шквал осуждения и клеймо «плохих людей». Но сегодня все ощутимо меняется.

Станет обществу лучше или хуже от этих перемен? Конкретным женщинам, оказавшимся в тяжелой депрессивной ситуации из-за того, что любовь к ребенку у них не проснулась, станет проще. Возможно, появятся эффективные механизмы помощи им и их детям. Но кого-то такой подход может лишить шанса вырастить в душе чувство любви. Ведь если любви нет и это вариант нормы, то можно не стараться и не надеяться. Однако, как говорил Генрих Манн, привычка в любви подобна канату. Мы вьем ее день за днем, по одной пряди, и в конце концов она становится такой прочной, что ее не разорвать.

И все-таки, как было раньше?

Мужчины и женщины становились родителями благодаря факту рождения у них ребенка. Они так или иначе заботились о новорожденном, но далеко не всегда привязывались к нему, и на то были причины: например, высокая детская смертность, которая сохранялась в Западной Европе до конца XVIII века, а в России — до начала XX века. Это заставляло родителей ощущать ограниченность своих воспитательных возможностей, они жили, руководствуясь поговоркой «Бог дал — Бог и взял». Сами родители тоже умирали чаще и раньше, чем сейчас, а дети при этом оставались сиротами. В отдельных странах Европы в X–XVIII веках детство без родных и родителей считалось нормой: детей отправляли в монастырь, отдавали кормилице, а с семи лет их начинали обучать ремеслу.

Как видим, в разные моменты истории и в разных культурах детей растили очень непохожим образом. Забота о новорожденных и воспитание старших детей лежали на плечах матери, но часто (хотя не во всех культурах) и отца тоже. Обычно отец начинал участвовать в процессе, когда наставала пора передавать детям (как правило, сыновьям) навыки, умения и знания, необходимые для выживания в обществе. Дочерям аналогичные «женские» навыки передавала мать. Старшие дети активно включались в уход за младшими братьями и сестрами. Родителей в этом виде социализации могли легко заменить другие взрослые, поскольку, как мы уже говорили, не только дети, но и их папы и мамы большую часть человеческой истории не были защищены от внезапной и ранней смерти.

Кроме того, у многих народов было распространено усыновление и удочерение по тем или иным причинам. Часто ребенка отдавали чужим людям для обучения ремеслу или в надежде на смену социального положения в будущем. В древние времена

практиковалась даже продажа собственных детей в рабство. В некоторых областях Китая существовала традиция сразу после рождения отдавать девочек в семью будущего мужа, и будущую жену своего сына с младенчества растила свекровь. Это приводило к тому, что отношения между свекровью и невесткой формировались гармонично, на отношениях же между супругами сказывалось то, что они с детства привыкали воспринимать друг друга как брата и сестру.

В Англии начиная как минимум с 1400 года была распространена традиция отдавать детей подмастерьями в другие семьи, в то время как в собственной семье подрастали, тоже в качестве подмастерьев, чужие дети. В соседней Ирландии такого не было и в помине. Британский антрополог и историк Алан Макфарлан* объясняет это тем, что англичанам была комфортна некоторая эмоциональная дистанция в отношениях с детьми.

В античной Греции, да и в Древнем Риме, усыновление было распространено во всех слоях общества, даже среди императоров. Усыновляли и вполне уже взрослых людей. В Средние века французским дворянам усыновлять детей было нельзя, но этот запрет связывался лишь с вопросами наследственных прав: их определяло только «право крови». А у крестьян таких сложностей не существовало, и при необходимости (как правило, когда не было собственных детей) они легко принимали в семью чужих. Даже если ребенок рос в своей биологической семье, это не означало, что повседневную заботу о нем выполняла исключительно мать. В аграрном обществе все члены семьи были объединены общей повседневной деятельностью, так что часто о ребенке заботился отец, старшие братья и сестры, бабушки и дедушки — словом, каждый, кто мог.

В других доиндустриальных обществах ситуация была примерно такой же — кроме тех периодов, когда мужчины

* Macfarlane A. Marriage and Love in England: Modes of Reproduction 1300–1840. Blackwell, Oxford, 1986.

надолго уходили на войну, на охоту или на выпас скота. Выделение матери как человека, который в основном занят заботой о детях, произошло не раньше чем в эпоху Возрождения — то есть когда впервые (но пока только в высших классах общества) люди задумались о том, что неплохо было бы обеспечить не только выживание достаточного числа детей (то есть их количество), но и как можно более высокий уровень их образования, знаний и умений (то есть их качество). До этой эпохи материнство, повторим, в современном смысле не было важнейшей частью жизни женщины. Была значима ее способность произвести ребенка на свет, а уже дальше, в случае ценности этого ребенка (например, наследник престола или состояния, продолжатель знатного рода; новый работник; будущая производительница детей или средство социальной мобильности семьи через успешный брак и так далее), им занимались все, кто только мог.

Основной женской добродетелью была покорность, а материнство, напротив, означает некоторую власть, хотя бы над детьми. До эпохи Возрождения такой властью почти везде обладал только отец. Кстати, если очередной ребенок был не очень нужен, то заботились о нем не слишком усердно. Однако степень того, что называют цивилизованностью, определяется не только совокупностью ситуаций, в которых избавляться от ребенка считается нормальным, но и способами, принятыми для такого избавления. Эти способы изменялись от прямого убийства, как в джунглях Амазонки, до современного контроля рождений мягкими способами, при которых уже рожденные нежеланные дети не уничтожаются — просто заранее предотвращается их появление на свет.

Между этими двумя крайностями существует огромное количество промежуточных ситуаций. В античном мире детей оставляли у дороги, предполагая, что, если они кому-то нужны, их подберут, ну а если нет... В средневековой Европе детей отдавали кормилицам, жившим, как правило, далеко. Если родители младенцев забывали им платить, то кормилицы пере-

ставали заботиться о своих подопечных, чтобы уменьшить число голодных ртов в доме.

По многочисленным свидетельствам классиков литературы, аналогичная небрежность в отношении «лишних ртов» существовала и у российских крестьян. Степень безразличия могла стать меньше, если родители или растившие ребенка люди начинали испытывать привязанность к нему. Часто именно это и происходило под действием обаяния самого ребенка. Убийство младенцев было распространено повсеместно, убийство детей пяти-шести лет было везде исключением. Даже в наше время Уголовный кодекс Российской Федерации карает за первое иначе, чем за второе.

Не всегда нарочитая небрежность по отношению к детям была связана с их не слишком высокой ценностью. Чаще всего это происходило из-за тяжелых условий жизни родителей. Ну не могли русские крестьяне XIX века регулярно обеспечивать детей едой даже в тучные годы — не говоря уже о неурожайных. Гигиенические условия их жизни (как и у других народов во времена, когда они не знали о бактериях и не понимали причинно-следственной связи между грязью и возникновением болезней), мягко говоря, не благоприятствовали выживанию детей первого года жизни. В летнюю пору, когда родители на целые дни уходили работать в поле или собирать ягоды в лес, младенцев редко пеленали, кормили подчас только утром, вечером, ну и ночью, а днем даже совсем маленьким детям давали соску из пережеванного хлебного мякиша. Все это делали вынужденно даже с желанными и очень нужными детьми. Иначе было нельзя: оставив в страду при ребенке хотя бы одного взрослого человека, семья лишилась бы большей части урожая.

Когда условия позволили проявлять больше внимания к детям, их начали подчас чрезмерно кормить и слишком тепло одевать. Понимание пользы закаливания и вреда перекармливания приходило к вырвавшимся из нищеты семьям лишь через несколько поколений. Зато сейчас, когда у большинства людей